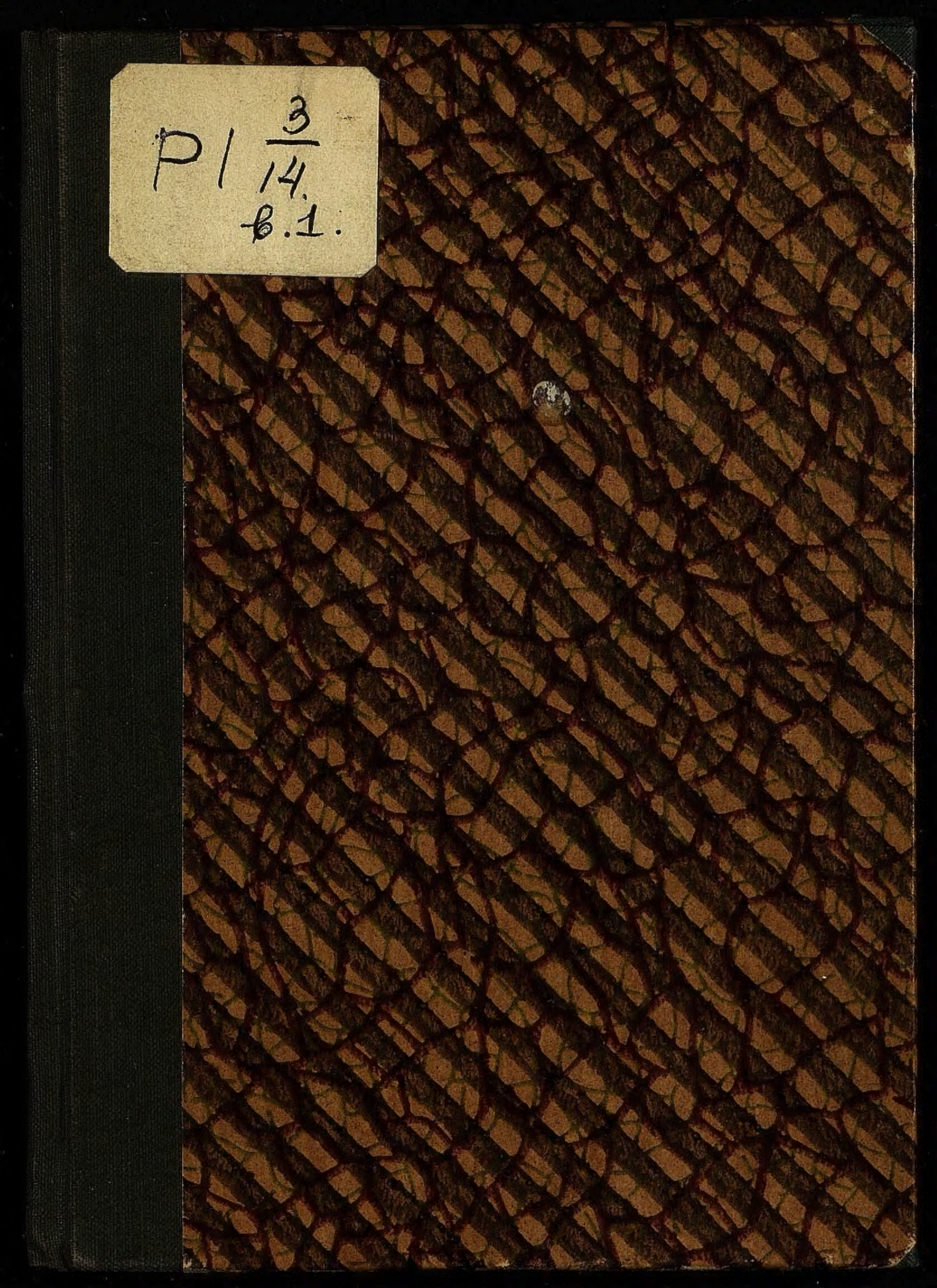

P I 3/14. 6.1.

Ф1 3/14

Кн. Евгеній Трубецкой

Смыслъ войны.

Выпускъ I.

МОСКВА.
1914.

Р 1 3/14

Кн. Евгеній Трубецкой.

СМЫСЛЪ ВОЙНЫ.

Выпускъ I.

МОСКВА.
1914.

МОСКВА—1914 г.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій пер., д. № 11.

Библіотека Россійск... Историческаго Музея
№ 11873
13/IX 1922

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ общимъ заглавіемъ „Смыслъ войны“ я задумалъ собрать всѣ тѣ мои статьи и рѣчи, коихъ значеніе не исчерпывается тѣмъ или другимъ преходящимъ фактомъ, и которыя такъ или иначе выражаютъ *общій смыслъ* переживаемыхъ нами событій. Такъ какъ по самому характеру своему такой сборникъ долженъ быть изданъ *во время самой войны*, а не послѣ ея окончанія,—его волей-неволей приходится выпускать *отдѣльными брошюрами*, по мѣрѣ накопленія матеріала. Въ настоящемъ первомъ выпускѣ помѣщены статьи, напечатанныя въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ за первые три мѣсяца войны.

Авторъ

Москва, 5 ноября 1914 г.

I.

Патріотизмъ противъ націонализма *).

„Германія отъ побѣдъ поглупѣла",—этимъ изреченіемъ характеризуетъ Ницше умственное состояніе своей родины послѣ Седана и Метца. То, что Ницше называетъ „поглупѣніемъ", есть на самомъ дѣлѣ доведенное до крайности націоналистическое безуміе. Событія послѣднихъ дней ясно показываютъ, что это за недугъ и каковы его послѣдствія для одержимой имъ націи.

Было бы напрасно говорить объ „ошибкахъ нѣмецкой дипломатіи". Ошибки, сдѣланныя Германіей за послѣднее время, всѣ сводятся къ одной, вовсе не дипломатической, а *національной*. Это—неуклонно послѣдовательное проведеніе въ жизни одного верховнаго принципа: Deutschland, Deutschland über alles. Все то, что приходится читать за послѣднее время о нѣмецкихъ звѣрствахъ и объ иныхъ поступкахъ, возстановившихъ противъ нѣмцевъ весь міръ, сводится именно къ этому принципу, который замѣняетъ нравственность національностью и возводитъ *свой народъ* въ кумиръ, ради котораго все считается дозволеннымъ.

*) „Русск. Вѣд." 2 августа 1914 г.

Результаты этого принципа налицо. Вступленіе Англіи и Бельгіи въ союзъ съ Франціей и Россіей, искренно-доброжелательное отношеніе къ намъ шведовъ, движеніе симпатіи въ нашу пользу среди болгаръ, раньше намъ враждебныхъ, нейтралитетъ Италіи, нравственная невозможность для Румыніи примкнуть къ тройственному союзу,—вотъ отвѣтъ европейскихъ *націй* на неистовства нѣмецкаго націонализма. „Нѣмецкія звѣрства“ не испугали пока только Турціи, которая узнала въ нихъ что-то родное, давно привычное, и это новое сближеніе Германіи, не внѣшнее только, а внутреннее, съ Оттоманской имперіей нашло себѣ достойное символическое изображеніе: *нѣмецкое судно, поднявшее турецкій флагъ*,—вотъ, кажется, наиболѣе яркое олицетвореніе современнаго германскаго государственнаго корабля и его новаго курса.

Немудрено, что нигдѣ, кромѣ Босфора, этотъ корабль не находитъ себѣ убѣжища. Чье оружіе побѣдитъ въ ближайшемъ будущемъ, этого мы пока не знаемъ. Но одна крупная нравственная побѣда уже достигнута. Запертый съ моря и съ суши, германо-австрійскій міръ одинокъ среди враждебныхъ ему народовъ: онъ не привлекаетъ новыхъ союзниковъ, а отталкиваетъ старыхъ. И это вполнѣ понятно: кого, кромѣ нѣмцевъ, можетъ объединить ихъ лозунгъ,—что Германія есть все, а прочія народности—негодный мусоръ, который долженъ быть сметенъ съ лица земли? Кого могутъ привлечь на ихъ сторону ихъ издѣвательства надъ иностранцами, ихъ угрозы разстрѣлять десятаго

въ занятомъ ими городѣ, ихъ экзекуціи военноплѣнныхъ и добиваніе раненыхъ? Каковы бы ни были чувства поляковъ и финляндцевъ къ намъ,— однихъ этихъ дѣйствій нѣмецкихъ войскъ совершенно достаточно, чтобы исключить возможность того возстанія русскихъ инородцевъ противъ Россіи, которое они стремятся вызвать.

Нѣмецкій націонализмъ является вѣрнѣйшимъ нашимъ союзникомъ,—оплотомъ того самаго единства и цѣлости Россійской имперіи, противъ котораго онъ готовитъ свои сокрушительные удары. Всѣмъ русскимъ инородцамъ теперь ясно, какихъ освободителей они имѣютъ въ нѣмцахъ. Неудивительно, что до насъ доносятся вѣсти о броженіи среди австрійскихъ славянъ, о разстрѣлахъ чешскихъ солдатъ и объ отсылкѣ цѣлыхъ славянскихъ корпусовъ на французскую границу за невозможностью выставить ихъ противъ Россіи. И въ то же время историческое засѣданіе русской Государственной Думы являетъ яркую и трогательную картину сплоченія русскихъ инородцевъ вокругъ Россіи.

Русскій патріотизмъ стоитъ противъ нѣмецкаго національизма,—вотъ самое сильное и вмѣстѣ самое отрадное впечатлѣніе послѣднихъ дней. Никогда противоположность этихъ двухъ принциповъ не сказывалась сильнѣе и нагляднѣе, чѣмъ теперь. Съ одной стороны мы видимъ голый національный эгоизмъ, который сулитъ жестокій гнетъ всѣмъ не принадлежащимъ къ господствующей національности, а потому всѣхъ отталкиваетъ. Съ дру-

гой стороны, наоборотъ,—могучій подъемъ патріотическаго чувства, который объединяетъ въ одно цѣлое всѣ народы великой имперіи, *потому что въ немъ нѣтъ національной исключительности,* нѣтъ самообожанія, нѣтъ того презрѣнія и ненависти къ другимъ народамъ, которыя составляютъ характерную черту національзма.

Никогда единство Россіи не чувствовалось такъ сильно, какъ теперь, и—что всего замѣчательнѣе—*насъ объединила цѣль не узко національная, а сверхнародная.* Въ этомъ—причина тѣхъ симпатій, которыя мы вызываемъ, въ этомъ и источникъ нашей силы, въ этомь надежда на нашу побѣду.

Отъ побѣды нѣмцевъ народы Европы могутъ ждать только поглощенія и угнетенія. Напротивъ, побѣда Россіи и ея союзниковъ,—если только намъ суждено одержать ее,—прозвучитъ для всего міра благой вѣстью освобожденія. Свобода и независимость австрійскихъ славянъ, румынъ, подвластныхъ Австріи итальянцевъ, независимость Бельгіи и Голландіи, всѣхъ народовъ Европы испытавшихъ нѣмецкое иго или находящихся подъ его угрозой,—вотъ *смыслъ* этой побѣды, вотъ та возвышенная цѣль, которую поставила передъ нами исторія.

Нѣмецкій національный интересъ требуетъ порабощенія всѣхъ національностей нѣмцамъ. Напротивъ, русскій національный и государственный интересъ требуетъ всеобщаго освобожденія народностей, всеобщаго ихъ раскрѣпощенія. Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что русская государ-

ственная политика до сихъ поръ нерѣдко уклонялась отъ праваго пути, что въ ней нерѣдко сказывался тотъ самый націонализмъ, который мы теперь столь единодушно осуждаемъ въ нѣмцахъ.

Этотъ націонализмъ, который спорадически появлялся у насъ, не есть порожденіе русскаго народнаго генія, а всего только *плохой переводъ съ нѣмецкаго*, неудачное подражаніе, которое до сей поры могло существовать у насъ лишь благодаря слабому развитію національнаго самосознанія. Теперь, когда самъ русскій народъ выступилъ на сцену, полный сознанія своего единства и достоинства,—этотъ націонализмъ исчезъ какъ дымъ. Ибо народъ проникнутъ прежде всего чувствомъ необъятной широты и величія русской родины, въ которой есть мѣсто для объединенія великаго многообразія племенъ. И въ этой *сверхнародности* русскаго патріотизма, въ этой его преданности цѣлямъ не узко національнымъ, а общечеловѣческимъ—надежда другихъ народовъ.

Призваніе Россіи—быть освободительницей народовъ. Оно навязывается ей силой исторической необходимости, ибо оно связано съ кровными нашими національными интересами.

Мы твердо должны помнить, что побѣда можетъ быть достигнута нами не одной только силой русскаго оружія. Она въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, повѣрятъ ли народы въ наше призваніе. Мы ясно видимъ, почему никто не вѣритъ въ нѣмцевъ какъ въ освободителей. Пусть же ихъ примѣръ будетъ для насъ примѣромъ устрашаю-

щимъ. Предоставимъ нѣмецкимъ кораблямъ плавать подъ флагомъ турецкимъ: нашъ національный флагъ долженъ быть иной,—онъ долженъ внушать довѣріе народамъ. Для этого мы должны прежде всего отрѣшиться отъ варварскаго націонализма, гибельнаго для всякой національности и для всякаго государства.

Пусть населеніе тѣхъ мѣстностей, куда проникнутъ наши войска, чувствуетъ и видитъ, что благо Россіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ благо. Да будетъ человѣчное и доброжелательное отношеніе нашей арміи къ мирному населенію австрійскихъ и германскихъ провинцій полнымъ контрастомъ съ нѣмецкой жестокостью. Не забудемъ, что если война не будетъ вестись на русской территоріи, она неизбѣжно перенесется въ зарубежныя славянскія провинціи. Постараемся, чтобы эти страны не обманулись въ своихъ надеждахъ на Россію-освободительницу и чтобы надежды эти зарождались по пути шествія нашей арміи даже тамъ, гдѣ ихъ доселѣ не было. А внутри Россіи будемъ вести себя такъ, чтобы не одни русскіе, но всѣ инородцы, не исключая поляковъ, финляндцевъ и евреевъ, видѣли и ощущали въ Россіи свою великую общую родину.

Постараемся закрѣпить и удержать тотъ высокій подъемъ духовный, въ которомъ мы находимся теперь. Пусть только русскій патріотизмъ устоитъ противъ нѣмецкаго націонализма, тогда не можетъ быть сомнѣнія въ нашей побѣдѣ. Чтобы

побѣдить, мы должны ясно сознать нашу цѣль, національную и вмѣстѣ сверхнародную. А сознавъ ее, мы должны идти къ ней неуклонно. Тогда и только тогда нашъ натискъ пріобрѣтетъ неодолимую силу.

II.

Россія, Польша и славянство *).

(По поводу воззванія Августѣйшаго Главнокомандующаго).

Каковы бы ни были послѣдствія воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ, оно уже само по себѣ — великая побѣда Россіи.

Раздѣлъ Польши — именно тотъ историческій нашъ грѣхъ, который доселѣ служилъ и служитъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію Россіей ея освободительной миссіи среди славянства. Въ этомъ грѣхѣ — вся сила австро-славизма, главная причина тяготѣнія части славянъ къ Австріи и по тому самому жизненное условіе ея могущества.

Славяне въ Австро-Венгріи составляютъ большинство населенія; утративъ ихъ поддержку, имперія Габсбурговъ просто-на-просто не можетъ существовать: съ того дня, когда она лишится возможности посылать противъ Россіи не только чеш-

*) „Русск. Вѣд.“, 3 августа 1914 года.

скіе, но и польскіе и вообще славянскіе полки, она неизбѣжно обречена на распаденіе. Австро-Венгрія живетъ только нашими ошибками: только недовѣріемъ и враждой части славянъ противъ Россіи держится ея государственное единство.

При этихъ условіяхъ воззваніе Августѣйшаго Главнокомандующаго для Австріи — болѣе чѣмъ нравственный ударъ; его появленіе на свѣтъ можетъ оказаться для нея равнозначительнымъ тяжкому пораженію. Напрасно было бы думать, что Австрія можетъ парализовать его дѣйствіе, давъ своимъ подданнымъ—полякамъ больше, чѣмъ можетъ дать имъ Россія. Самаго главнаго что обѣщаетъ имъ воззваніе, она все-таки дать имъ не можетъ. Уже благодаря своимъ союзнымъ отношеніямъ съ Германіей Австрія не можетъ „стереть границы, разрѣзавшія на части польскій народъ", и возстановить его цѣлость подъ единымъ скипетромъ. Это можетъ сдѣлать одна Россія. Вотъ почему воззваніе можетъ имѣть для Австріи послѣдствія болѣе разрушительныя, чѣмъ вторженіе непріятельской арміи въ ея предѣлы. Теперь ей угрожаетъ уже не ударъ, направленный извнѣ, а параличъ, идущій изнутри: государство, которое въ борьбѣ противъ внѣшняго врага можетъ опираться лишь на меньшинство своихъ подданныхъ, а въ большинствѣ ихъ имѣетъ враговъ, тѣмъ самымъ обречено на смерть.

Первый шагъ къ разрѣшенію славянскаго вопроса, такимъ образомъ, сдѣланъ; есть основаніе надѣяться, что огромное историческое препятствіе

имъ будетъ устранено; но для того, чтобы оно было устранено окончательно, необходима взаимность: нужно, чтобы было побѣждено сложившееся вѣками недовѣріе Польши къ Россіи; пусть и Россія, и Польша проникнутся сознаніемъ, что воззваніе свыше уполномоченнаго Главнокомандующаго есть обѣщаніе, коего осуществленіе обезпечивается всей нашей государственной мощью.

Освобожденіе Польши изъ-подъ нѣмецкаго ига не есть только задача нашей Верховной власти: это въ настоящее время наше важнѣйшее народное русское дѣло, отъ успѣшнаго выполненія котораго зависитъ все наше будущее. Не только для Польши, но и для Россіи это—основной жизненный вопросъ, ибо только Россія, объединившая Польшу, можетъ собрать вокругъ себя славянство. И только Россія, ставшая центромъ всеславянскаго единенія, можетъ стоять на высотѣ подобающаго ей величія и могущества.

Не для однихъ поляковъ,—для всего славянскаго міра воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго должно прозвучать благою вѣстью. Освобожденіе Польши означаетъ конецъ нѣмецкаго владычества надъ славянствомъ вообще. Въ этомъ—основной смыслъ только что опубликованнаго великодушнаго и мудраго воззванія. Поэтому мы будемъ твердо надѣяться, что за первымъ обращеніемъ послѣдуетъ второе, въ которомъ оффиціальная и вмѣстѣ народная Россія торжественно засвидѣтельствуетъ о своемъ единеніи не съ одними поляками, но со всѣми тѣми народами Австріи, которыхъ она призвана освобождать.

Когда народы Австріи увидятъ, что Россія сознала свое освободительное призваніе и прониклась твердой рѣшимостью его выполнить, — судьба Австро-Венгерской имперіи тѣмъ самымъ будетъ рѣшена.

III.

Смыслъ войны *).

Изъ всѣхъ событій, совершившихся за эти великіе историческіе дни, самое крупное, безспорно,— тотъ *духовный* переломъ, который мы пережили.

Въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ мы увидѣли *единую цѣлостную Россію*. Такого объединенія, какое мы видимъ теперь, я лично не помню вотъ уже тридцать семь лѣтъ,—съ самой турецкой войны 1877 года.

Тогда наше общественное настроеніе было во многомъ похоже на теперешнее. Совершенно такъ же были забыты были распри: всѣ объединились въ одной мысли, въ одномъ порывѣ. Когда думаешь о національномъ единствѣ, всегда вспоминаются эти великія минуты, когда онъ стало осязаемымъ, видимымъ. И всегда хочется вѣрить, что именно въ этотъ преходящій мигъ раскрылась подлинная наша сущность.

Надолго исчезло это чудесное видѣнье, надолго скрылся отъ насъ этотъ возродившійся теперь образъ единой Россіи. Она словно распалась на части. Мы видѣли передъ собой враждующіе пар-

*) „Русскія Вѣдомости“, 8 августа 1914 г.

тіи, классы, племенныя группы; но *Россіи* мы не видали, не знали, гдѣ ея воля, мысль и чувство.

Въ сопоставленіи того, что было, съ тѣмъ, что есть теперь, открывается одна великая тайна нашего національнаго бытія. Вотъ уже второй разъ на моей памяти *Россія обрѣтаетъ свое духовное единство и цѣлость въ освободительной войнѣ.* Именно тогда она исцѣляется, когда она, забывая о себѣ, служитъ *общечеловѣческому* дѣлу культуры: именно тогда, когда она освобождаетъ другихъ,—она стоитъ на вершинѣ собственнаго своего могущества и величія.

Много было причинъ, почему мы потерпѣли неудачу въ послѣдней японской войнѣ; но главная, кажется мнѣ, заключается въ слѣдующемъ: не было этой сверхнародной цѣли, которая могла бы собрать Россію въ одно цѣлое, заставить жить ее однимъ чувствомъ: мы сражались только за себя самихъ, боролись изъ-за чужой территоріи... А Россія *никогда* не вдохновляется служеніемъ голому національному интересу. Особенность русскаго патріотизма заключается въ томъ, что онъ никогда не воодушевляется идеей родины, какъ такой, служеніемъ русскому, какъ такому. Чтобы *отдаться* чувству любви къ родинѣ, намъ нужно знать, чему она служитъ, какое дѣло она дѣлаетъ. И намъ нужно вѣрить въ святость этого дѣла, намъ нужно сознавать его правоту. Намъ нужна цѣль, которая бы поднимала наше народное дѣло надъ національнымъ эгоизмомъ.

До какой степени національнизмъ чуждъ русскому

патріотизму, сказалось въ особенности въ различномъ отношеніи русскаго общества къ двумъ вопросамъ, выдвинутымъ на очередь въ послѣднее время, —польскому и русско-галицкому. Казалось бы, именно послѣдній долженъ быть особенно близокъ нашему народному чувству. А между тѣмъ, — и въ этомъ заключается особенно типическая черта русскаго характера,— русско-галицкій вопросъ доселѣ остается мало понятнымъ русскому обществу и сравнительно мало его захватываетъ. Наоборотъ, воззваніе Августѣйшаго Главнокомандующаго, поставившее ребромъ вопросъ польскій, вызвало всеобщій энтузіазмъ и необычайный подъемъ русскаго національнаго чувства. Оно еще не опредѣлилось по отношенію къ галичанамъ, а между тѣмъ необходимость возстановить цѣлость разорванной на части Польши для него непосредственно очевидна.

Часто объясняютъ эту русскую черту нашимъ „безпочвеннымъ идеализмомъ“, „мечтательностью“, „непрактичностью“ и даже „космополитизмомъ“,— отсутствіемъ здороваго національнаго чувства... а при этомъ ставятъ въ примѣръ намъ нѣмцевъ...

Теперь, когда этотъ образецъ, съ котораго рабски списывалась наша націоналистическая программа, столь основательно посрамленъ, — намъ нетрудно отвѣтить на эти обвиненія. То, что доселѣ казалось многимъ непрактическимъ идеализмомъ и „мечтательностью“, есть на самомъ дѣлѣ здоровое сознаніе русскаго національнаго интереса, тѣсно связаннаго со справедливымъ и человѣчнымъ отношеніемъ къ другимъ народностямъ.

Къ счастью для Россіи, въ освобожденіи другихъ народностей, въ особенности народностей славянскихъ, заключается условіе не только духовной, но и матеріальной ея цѣлости. *Единство и цѣлость* Россіи *и освобожденіе родственныхъ славянскихъ народовъ,*—вотъ два лозунга, во имя которыхъ ведется война. Нужно ли доказывать, что оба они составляютъ одно неразрывное цѣлое! Если родственныя намъ славянскія племена не устоятъ противъ напора воинствующаго германизма, то не устоитъ передъ нимъ и Россія. Напротивъ, если Россіи суждено оставаться цѣлой и недѣлимой, то германскому игу надъ славянами вообще долженъ быть положенъ конецъ. Должна быть возстановлена единая, свободная въ своемъ самоуправленіи Польша, должна вырости великая Сербія, должна создаться независимая Чехія: и должны вырости за счетъ Австріи всѣ тѣ національныя государства, которыя примкнутъ къ великой освободительной войнѣ. Недаромъ война началась потому, что въ покушеніи на цѣлость Сербіи мы всѣ,—народъ и правительство, — почувствовали покушеніе на цѣлость Россіи.

Такой же кровный нашъ интересъ связываетъ теперь цѣлость Россіи съ цѣлостью Польши, и въ этомъ именно—самая надежная гарантія осуществленія польской національной мечты. Россія, возстановляющая Польшу, и Польша, какъ оплотъ Россіи противъ германизма,—вотъ та связь взаимности, которая теперь объединяетъ два народа. Нѣтъ той силы, которая могла бы порвать эту связь, созданную исторической необходимостью.

А при этихъ условіяхъ совершенно безполезно и несвоевременно задаваться теперь вопросомъ, что собственно обѣщаетъ полякамъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, и какой строй оно сулитъ обновленной Польшѣ. Какъ бы ни были прекрасны тѣ или другія воззванія, все-таки не они опредѣляютъ смыслъ и направленіе событій, а скорѣе сами опредѣляются ихъ смысломъ.

А смыслъ того, что совершается теперь,—тотъ, что Россія одновременно и освобождаетъ славянъ, и сама находитъ оплотъ въ славянствѣ; а потому было бы безуміемъ предполагать, что она можетъ дать имъ меньше, чѣмъ даютъ имъ нѣмцы и австрійцы. Россія требуетъ отъ поляковъ, какъ и отъ другихъ славянъ, чтобы они уважали права другихъ народностей, коихъ связала съ ними исторія. Но не для того она призываетъ ихъ къ единенію съ собой, чтобы лишить ихъ тѣхъ правъ самоуправленія, коими они пользуются подъ австрійскимъ владычествомъ. Поляки и русскіе должны понять, что *это невозможно*.

Если мы до сихъ поръ этого не понимали, если мы, увлекаясь ложнымъ націонализмомъ, не сознавали нашего подлиннаго національнаго интереса, — это обусловливается тѣмъ, что доселѣ мы находились подъ германскимъ игомъ. Только теперь мы его сбросили, но до послѣдняго времени оно тяготѣло если не надъ нашей территоріей, то *надъ нашей душой*, надъ нашей волей и чувствомъ.

Добрососѣдскія отношенія между Россіей съ одной стороны, Австріей и Германіей съ другой

стороны существовали и поддерживались за счетъ славянства и въ особенности за счетъ Польши. Именно *содѣйствіе въ раздѣлѣ Польши* поддерживало согласіе: совмѣстная борьба противъ родственнаго намъ славянскаго народа, вотъ что служило источникомъ близости между нами. И близость эта служила интересамъ Германіи и Австріи, а не Россіи. Россію она ослабляла, потому что мѣшала ей выступить въ роли объединительницы славянскаго міра.

Теперь, когда роль эта навязана Россіи силою вещей, роковымъ сцѣпленіемъ историческихъ событій, мы видимъ новое наглядное доказательство того единства интересовъ, которое связываетъ въ одно цѣлое славянскіе народы, раньше между собою враждовавшіе. Съ одной стороны, Россія никогда не забудетъ, что поляки, считавшіеся врагами русской государственности, пали въ Калишѣ и Ченстоховѣ первыми жертвами за русскую государственность. А съ другой стороны — нѣмецкія звѣрства наглядно показали полякамъ, что въ лицѣ нѣмцевъ мы имѣемъ непримиримаго, заклятаго врага, одинаково глубоко презирающаго всѣхъ славянъ. Уваженія къ своему національному достоинству и признанія національныхъ правъ они могутъ ожидать только отъ Россіи.

Сверхнародный, сверхпартійный смыслъ настоящей войны,—вотъ что составляетъ силу Россіи, славянъ и ихъ союзниковъ. Не будемъ же ослаблять себя какими либо узко-партійными выступленіями и племенными распрями. Будемъ помнить, что въ

служенiи этому смыслу—наше главное превосходство надъ нашимъ врагомъ. Чтобы побѣдить, нужно прежде всего сохранить этотъ смыслъ, который объединяетъ народы вокругъ нашего знамени.

IV.

Побѣда *).

Побѣда, наибольшая изо всѣхъ доселѣ бывшихъ въ мірѣ, одержана славной русской арміей. Теперь среди всеобщаго радостнаго ликованія болѣе чѣмъ когда-либо умѣстно вспомнить, во имя чего ведется борьба и что именно дало намъ силу побѣдить.

Міровая задача, выпавшая на долю Россіи, лучше всего выясняется по контрасту.

Въ началѣ августа вступленіе нѣмцевъ въ Брюссель явило міру поучительное зрѣлище: то былъ апоѳеозъ нѣмецкой національности, исключительной, самодовольной, упоенной собою и нагло попирающей права другихъ народовъ. У нея — одно возможное отношеніе къ иноплеменникамъ,—„горе побѣжденнымъ". Весь міръ—для нѣмцевъ: остальные должны служить рабами и орудіями. Отсюда—разительное сходство современнаго нѣмецкаго тріумфа съ тріумфами древне-языческими, вплоть до военно-плѣнныхъ въ кандалахъ, слѣдующихъ за тріумфальнымъ шествіемъ.

Не ясно ли, что именно эта черта воинствующаго германизма дѣлаетъ настоящую войну *борьбой всѣхъ*

---

*) „Русск. Вѣд.", 4 сентября 1914 года. Писано послѣ побѣды подъ Люблинымъ.

противъ одного. Волею судебъ Россія призвана вести борьбу за освобожденіе всѣхъ народовъ отъ германскаго засилья; таково то знамя съ надписью „Симъ побѣдиши“, которое вложено въ наши руки, и мы не должны ни на минуту забывать объ этомъ, если мы хотимъ довести нашу побѣду до конца.

Даже *матеріальные* результаты нашихъ усилій были бы въ настоящее время совсѣмъ иные, если бы мы сражались подъ другимъ знаменемъ. Не забудемъ, что *именно оно* дало намъ такихъ союзниковъ, какъ Англія и Бельгія, и обезпечило намъ дружественный нейтралитетъ Италіи. Если бы не этотъ священный стягъ, шествующій передъ нашей ратью, Франція въ настоящее время была бы, быть-можетъ, уже разгромлена; намъ или не дали бы разгромить австрійскую армію, или во всякомъ случаѣ не дали бы использовать плоды нашей побѣды. Тѣ возвышенныя начала, во имя которыхъ ведется война,—вотъ чѣмъ обусловливается крушеніе плана германскаго генеральнаго штаба. Хорошо задуманный, онъ не учитывалъ только одного,—сопротивленія національностей, негодующихъ противъ насильника и одушевленныхъ сверхнароднымъ идеаломъ всеобщаго освобожденія.

Не одна сила оружія,—*та духовная сила,* которая одушевляетъ и насъ, и нашихъ союзниковъ, должна дать намъ побѣду въ этой борьбѣ. Достаточно сравнить нашу армію теперь съ тѣмъ, что она была въ японскую войну, чтобы понять, какую силу даетъ то знамя, за которое народъ сражается. Будемъ надѣяться, что это водушевленіе не изсяк-

нетъ; но для этого нужно, чтобы мы ни на минуту не забывали тотъ *сверхнародный* идеалъ, которому мы служимъ.

Узкій націонализмъ,—это чуждое русскому духу и непередаваемое русскимъ словомъ жизненное направленіе,—вотъ что отталкиваетъ всѣхъ отъ Германіи. И если, напротивъ, народы смотрятъ съ надеждой на Россію, если внутри нашего отечества „въ могучемъ порывѣ слились всѣ безъ различія племена и народности", то это инстинктивное влеченіе къ намъ народовъ обусловливается вѣрой въ нашу освободительную миссію,—вѣрою въ ту *народную* Россію, для которой націонализмъ представляется чуждымъ и непонятнымъ. И по своимъ національнымъ интересамъ, и въ силу особенностей своего народнаго характера Россія *можетъ* объединить вокругъ своего стяга самые разнообразныя племена и народности, тогда какъ дла Германіи это совершенно невозможно. Въ этомъ и состоитъ наше превосходство надъ противникомъ и залогъ нашей окончательной побѣды. Чтобы довести до конца и въ особенности чтобы *упрочить* ее, мы должны сознать нашъ сверхнародный идеалъ во всѣхъ его послѣдствіяхъ и рѣшиться исполнить всѣ обязанности, которыя онъ на насъ налагаетъ.

Углубимся въ контрасть, намѣченный выше.

Дымящіяся развалины завоеванныхъ городовъ, разрушенные храмы и музеи, сожженныя библіотеки, поверженная въ прахъ *чужая* культура, а надъ ея обломками—огромная бочка пива и фельдфебель, который изъ нея упивается,—таково олице-

твореніе современнаго германскаго націонализма. Это и есть то самое, что превращетъ Германію во всемірное пугало и объединяетъ всѣхъ вокругъ Россіи противъ нее.

Но для того, чтобы объединеніе было прочнымъ, нужно, чтобы контрастъ былъ полнымъ Мы должны окончательно побѣдить въ себѣ того *внутренняго нѣмца*, который все еще таится въ глубинѣ нашей души и, если мы не примемъ заблаговременно мѣры, въ одинъ прекрасный моментъ можетъ выступить наружу.

Пусть остановятъ насъ предостерегающіе примѣры. Минувшая балканская война,—такъ же какъ и нынѣшняя европейская,—велась славянскими народами во имя высокой культурной и сверхнародной цѣли. Совершенно такъ же она была борьбой всѣхъ противъ одного,—противъ *Турціи*, которая въ современной Европѣ составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ *alter ego* Германіи. Совершенно такъ же, какъ теперь у насъ, велико и свято было воодушевленіе союзниковъ. Въ освобождаемыхъ ими земляхъ ихъ встрѣчали словами „Христосъ Воскресе". И точно, ихъ побѣдоносное шествіе, казалось, возвѣщало воскресеніе народовъ, томившихся подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ.

Почему же въ концѣ войны внезапно рухнула эта балканская утопія и союзники надругались надъ тѣмъ самымъ идеаломъ, во имя котораго они боролись? Потому, что послѣ побѣды надъ Турціей въ каждомъ изъ нихъ проснулся *внутренній турокъ*: освободители оказались угнетателями, и послѣ

звѣрствъ турецкихъ мы услыхали о звѣрствахъ греческихъ, болгарскихъ и т. п., которыя оказались нисколько не лучше. Неудивительно, что въ результатѣ вновь возродился подлинный турокъ и отобралъ назадъ у Болгаріи стоившій ей столько крови и усилій Адріанополь. Такова историческая Немезида. *Побѣда турокъ надъ славянскимъ народомъ стала возможна лишь потому что въ самомъ южномъ славянствѣ восторжествовалъ турецкій идеалъ.* Она была бы немыслима, если бы славяне *до конца* остались на почвѣ того сверхнароднаго идеала, во имя котораго велась балканская война.

Эта историческая Немезида должна страшить насъ больше всякой внѣшней опасности. Участь побѣдоносной, а затѣмъ побѣжденной и униженной Болгаріи грозитъ всякому народу, въ которомъ подъ вліяніемъ національнаго самоупоенія проснется внутренній турокъ или внутренній нѣмецъ. Роковое свойство національзма именно въ томъ и заключается, что онъ можетъ всякій народъ превратить въ звѣря и сдѣлать пугаломъ для другихъ. Вспомнимъ, что и нѣмцы не всегда были тѣмъ, чѣмъ они стали теперь. Когда-то они были народомъ Шиллера и Гёте, Канта и Гегеля, а позже школьный учитель привелъ Германію къ побѣдѣ. И только измѣнившій этому сверхнародному культурному идеалу прусскій федфебель поставилъ Германію на край гибели. *Національзмъ сдѣлалъ ее врагомъ человѣчества!*

Чтобы и насъ не постигла та же участь, борьба съ узкимъ національзмомъ не только въ другихъ,

но и въ насъ самихъ должна стать нашимъ національнымъ дѣломъ. *Единеніе всѣхъ племенъ и народностей въ одномъ могучемъ и святомъ порывѣ*,—вотъ чего не должна забывать Россія.

„Внутренній нѣмецъ“ доселѣ сказывался въ нашей государственной жизни въ несправедливомъ отношеніи къ другимъ народностямъ; теперь въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго сдѣланъ первый шагъ къ освобожденію Россіи отъ этого историческаго грѣха. Но не одни поляки доселѣ были у насъ обездоленной народностью, и не они одни въ настоящую великую историческую минуту слились съ Россіей „въ могучемъ общемъ порывѣ“. Вспомнимъ, что рядомъ съ ними жертвами за русскую государственность и за русскую народную идею падаютъ теперь и евреи, также воодушевившіеся общей святой борьбой за всеобщее освобожденіе народовъ.

Недавно *) въ газетахъ былъ опубликованъ списокъ русскихъ добровольцевъ въ Бельгіи: собственно *русскія* фамиліи встрѣчаются среди нихъ чрезвычайно рѣдко: въ большинствѣ это—*фамиліи еврейскія!* Вотъ яркій фактъ, который какъ нельзя болѣе рельефно подчеркиваетъ лежащій на насъ національный долгъ. *И въ Россіи, и на чужбинѣ евреи сражаются и умираютъ за свою русскую родину.* Конечно, Россія этого никогда не забудетъ и забыть не можетъ. Но если евреи могутъ умирать за Россію, то почему же они не могутъ *жить повсемѣстно* въ Россіи, почему они не могутъ быть

*) Въ началѣ августа.

офицерами въ русскомъ войскѣ? Почему столькіе изъ нихъ не могутъ *учиться* въ Россіи?

Россія должна дѣломъ показать, что *для всѣхъ* племенъ и народностей, входящихъ въ ея составъ, она является родиной, а не мачехой. И это нужно не только для русскихъ инородцевъ, но прежде всего *для самой Россіи*,—для ея спасенія, благосостоянія и величія. Не для того, чтобы *подкупить* другія народности и племена, должны мы оставаться вѣрными нашему сверхнародному идеалу, а *ради насъ самихъ*, ради нашего національнаго достоинства, ради самаго смысла нашего существованія! Если бы торжество Россіи свелось только къ смѣнѣ гегемоніи, къ смѣнѣ прусскаго фельдфебеля русскимъ, то противъ нѣмецкой гегемоніи не стоило бы бороться. Не все ли равно, *кому* принадлежитъ міровое первенство, если всѣ народы—въ концѣ-концовъ внутренніе нѣмцы или,—что то же,—внутренніе турки? Не все ли равно, кому сидѣть надъ развалинами всемірной культуры и надъ бочкой пива! Пусть это униженіе образа Божія въ человѣкѣ и въ націи навсегда останется для насъ устрашающимъ примѣромъ.

Будемъ помнить, что національзмъ есть гибель для всякой націи. И постараемся вырвать его изъ нашей народной души съ корнемъ и безъ остатка. Тогда дождется Россія своего свѣтлаго праздника.

V.

Русское народное дѣло *).

Начинается новая эра русско-польскихъ отношеній; и благородный починъ А. И. Коновалова, пожертвовавшаго 10,000 рублей на нужды пострадавшихъ отъ войны въ Царствѣ Польскомъ, служитъ яркой ея иллюстраціей.

До сихъ поръ народъ польскій имѣлъ дѣло только съ Россіей оффиціальной; теперь событія войны впервые поставили его въ непосредственное соприкосновеніе *съ Россіей народной*. Въ наши внутреннія губерніи потянулись тысячи польскихъ бѣженцевъ: однихъ жителей города Калиша въ Москвѣ—не менѣе тысячи, не говоря уже о переселенцахъ изъ другихъ польскихъ губерній. Въ Москву, конечно, стекается наибольшее количество этихъ несчастныхъ. Къ Москвѣ, какъ центру народной Россіи, поляковъ влечетъ какое-то особое, инстинктивное довѣріе. На мой вопросъ, почему изъ всѣхъ городовъ русскихъ она выбрала именно Москву, одна бѣдная полька,—жена запаснаго,—мнѣ овѣчала: „Меня сюда прислалъ воинскій начальникъ, онъ мнѣ сказалъ: Ступай въ Москву,—

---

*) „Русск. Вѣд." 8 окт. 1914 г.

тамъ не пропадешь". И точно, въ Москвѣ польскіе бѣженцы не пропадаютъ; здѣсь они находятъ братскій пріемъ, кровъ и пищу: на помощь имъ приходятъ какъ московское городское управленіе, тамъ и многочисленные благотворители, польскіе и русскіе.

Нужно ли говорить о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на поляковъ такое къ нимъ отношеніе русскаго народа и общества? Одинъ видный калишскій городской дѣятель со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ: „До сихъ поръ Польшу отдѣляла отъ Россіи оффиціальная стѣна, выстроенная нѣмцами; теперь впервые эта стѣна рухнула; два народа увидали и *почувствовали* другъ-друга".

Вотъ какое *огромное* дѣло сближенія двухъ народовъ начинается на нашихъ глазахъ! Но пока только *начинается*: вѣдь то, что сдѣлано Россіей для Польши, есть капля въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что еще *должно быть* сдѣлано! Недостаточно помогать переселенцамъ изъ Польши въ наши внутреннія губерніи. Наша помощь должна перенестись на *мѣста*, въ губерніи, разоренныя австрійскими и германскими полчищами Именно *тамъ* открывается та яркая картина нужды, отъ которой волосъ становится дыбомъ.

Представимъ себѣ, что одинъ Калишъ понесъ не менѣе сорока милліоновъ убытковъ. Тамъ, по словамъ польскихъ городскихъ дѣятелей, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, нѣтъ уже ни одной аптеки, ни одной лавки,—а ихъ было раньше двѣ-три тысячи. Есть многочисленные города

и села, гдѣ все сплошь разграблено нѣмецкой реквизиціей. Забраны, лошади, коровы, припасы, даже тюфяки, взамѣнъ чего выданы насмѣшливыя расписки: „Забрано столько-то товара, уплата будетъ произведена русскимъ правительствомъ". Деревня сплошь раззорена, и вслѣдствіе разгрома рабочаго инвентаря пахать нечѣмъ: поля остаются невоздѣланными.

Воистину въ Польшѣ мы имѣемъ русскую Бельгію. Но Бельгіи помогаютъ Англія и Франція; а помочь Польшѣ, кромѣ насъ, некому. Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго предвѣщаетъ въ случаѣ русской побѣды политическое возрожденіе Польши, свободной въ своей вѣрѣ, языкѣ и самоуправленіи; но раньше политическаго возрожденія приходится думать о спасеніи несчастной страны отъ голодной смерти. *Это прежде всего должно быть нашимъ народно-русскимъ дѣломъ.* Пусть измученный, изстрадавшійся народъ польскій почувствуетъ, что русскій народъ ему—въ самомъ дѣлѣ братъ; пусть онъ увидитъ, что у насъ за словами стоятъ дѣла: быть-можетъ, этимъ и въ самомъ дѣлѣ будетъ поколеблено его вѣковое къ намъ недовѣріе, которое,—увы,—имѣло основаніе *въ прошломъ* русско-польскихъ отношеній.

Не объ обыкновенной благотворительной помощи идетъ рѣчь въ настоящую минуту. Нужна такая помощь, которая выражала бы собою начало цѣлаго историческаго *сдвига* въ жизни обоихъ народовъ. Нужно, чтобы оба народа нашли въ этой помощи не одно устраненіе матеріальной нужды,

но и духовное утѣшеніе въ великомъ историческомъ испытаніи и источникъ нравственной бодрости.

Они должны почувствовать, что не напрасны ихъ страданія и жертвы; что, каковы бы ни были дальнѣйшія рѣшенія, главное дѣло, *дѣло народное*, теперь во всякомъ случаѣ уже дѣлается, и каковы бы ни были результаты настоящей войны, одинъ *огромный* результатъ уже въ самомъ дѣлѣ достигнутъ. *Польское дѣло уже теперь стало русскимъ народнымъ дѣломъ.* А это значитъ, что отнынѣ во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ народовъ нѣтъ больше мѣста расхожденію между словомъ и дѣломъ. Вся мощь русскаго народа и его идеалъ, выразившійся въ словахъ Верховнаго Главнокомандующаго, да будетъ полякамъ порукой въ томъ, что поляки увидятъ осуществленіе мечты отцовъ о національномъ возрожденіи Польши.

Будемъ же мы русскіе, готовить это возрожденіе и содѣйствовать ему способами, намъ доступными. Теперь или никогда помощь пострадавшимъ жителямъ Царства Польскаго должна разростись во всенародную русскую манифестацію. *Пусть всѣ русскія газеты откроютъ у себя подписку въ пользу всѣхъ пострадавшихъ отъ войны жителей Царства Польскаго безъ различія вѣроисповѣданія и племени.* А затѣмъ, когда суммы будутъ собираться, долженъ быть организованъ и всероссійскій комитетъ, который бы завѣдывалъ ихъ направленіемъ и распредѣленіемъ.

Не будемъ опасаться скромности начала. Тотъ

мощный подъемъ любви, который овладѣлъ теперь русскимъ обществомъ, творитъ чудеса, когда это нужно для русскаго народнаго дѣла; будемъ надѣяться, что чудеса будутъ совершены и теперь. Мнѣ самому пришлось наблюдать въ нашей провинціи такое потрясающее зрѣлище. Маленькій губернскій городъ Калуга, готовившійся въ августѣ принять небольшое число раненыхъ, *внезапно, безъ предупрежденій, получилъ ихъ во много разъ больше!* Сначала клали на полу безъ соломы, безъ бѣлья и кормить было нечѣмъ. Потомъ въ два дня всѣ были не только размѣщены, но и накормлены и какъ слѣдуетъ уложены. *Неизвѣстныя* лица доставили солому, потомъ отъ *неизвѣстныхъ* поступили тюфяки, бѣлье, подушки; *неизвѣстные* крестьяне таскали пищу изъ деревень. Все дѣлалось *само собою*, безъ сговора, безъ организаціи, *стихійнымъ движеніемъ народнымъ.*

Вотъ это-то стихійное движеніе, залѣчивающее раны, нужно въ настоящую минуту, и нужно въ огромныхъ размѣрахъ. Не объ отдѣльныхъ раненыхъ и даже не о тысячахъ раненыхъ идетъ рѣчь теперь, а о цѣломъ раненомъ народѣ польскомъ. Пусть безъ сговора, безъ организаціи, поднимется великая русская волна ему на помощь. И пусть въ этомъ порывѣ явится Польшѣ Россія-заступница, *Россія-освободительница народовъ.*

И пусть это движеніе сочувствія къ братскому народу будетъ намъ порукой въ томъ, что наша грядущая побѣда надъ Германіей приведетъ къ торжеству свѣтлаго начала и въ самой Россіи.

VI.

Возрожденіе Польши и русскій вопросъ *).

Я буду говорить о вопросѣ польскомъ, лишь поскольку онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и народнымъ русскимъ вопросомъ. Только въ этой связи онъ мнѣ понятенъ и только въ ней онъ мнѣ близокъ.

Чтобы прямо подойти къ этой задачѣ, позвольте обратиться непосредственно къ знаменитому воззванію Верховнаго Главнокомандующаго, столь ясно выразившему нашу народную надежду. Чѣмъ объясняется та единодушная радость, съ какою оно было встрѣчено? Почему это воззваніе, предвозвѣщавшее осуществленіе польскаго народнаго идеала, было принято у насъ какъ благая вѣсть о великой *духовной* побѣдѣ Россіи? Почему не только для Польши,—*для самой Россіи* оно прозвучало какъ призывъ къ освобожденію отъ тяжкаго чужеземнаго ига?

Потому, что этотъ новый, неслыханный доселѣ языкъ, которымъ заговорилъ вождь русской арміи,

---

*) „Руск. Вѣд." 28 окт. 1914 г. Рѣчь, сказанная 26 октября на засѣданіи Общества славянской культуры.

преисполненъ и для насъ, русскихъ, положительнаго значенія, Впервые, со дня раздѣла Польши русская государственность заговорила о Царствѣ Польскомъ всѣмъ намъ близкимъ языкомъ народнымъ. Когда это слово станетъ дѣломъ,—тѣмъ самымъ осуществится полный разрывъ съ полуторавѣковой традиціей,—съ той самой традиціей, которая доселѣ служила наиболѣе могущественнымъ препятствіемъ къ осуществленію русскаго народнаго идеала. Для самой русской государственности это будетъ освобожденіемъ отъ нѣмецкаго вліянія; уже теперь это освобожденіе ставится предъ нами, какъ *цѣль*, къ которой мы должны стремиться.

Пока мы еще далеки отъ ея достиженія, но уже самая постановка задачи является великимъ торжествомъ русскаго народнаго самосознанія, новымъ свидѣтельствомъ объ его могуществѣ. Мы и въ самомъ дѣлѣ въ правѣ торжествовать побѣду.

Не удивительно, что именно *теперь* мы ее одержали. День разрыва съ Германіей, оказался для Россіи днемъ величайшаго національнаго самоопредѣленія: она почувствовала себя съ небывалой раньше ясностью и силой.

Начало войны явило въ сосредоточенномъ выраженіи всѣ отталкивающія свойства прусской государственности, всѣ тѣ ея качества, которыя дѣлаютъ ее врагомъ всеобщей культуры. Попытка растерзать Сербію, растоптать Бельгію, раздавить Францію, попрать самый очагъ всемірной свободы,—Англію,—вотъ тѣ стремленія и дѣла современной Германіи, которыя заставили насъ почувство-

вать наше собственное народное призваніе. Отрицаніе духовной личности другихъ народовъ—такова та общая сущность, которая сказывается во всѣхъ этихъ дѣлахъ. Въ своемъ крайнемъ самоутвержденіи, народный геній современной Германіи совершенно не чувствуетъ живой души другихъ народовъ: всякой чужой народности онъ угрожаетъ поглощеніемъ и уничтоженіемъ, и всякую чужую культуру онъ презираетъ, считая культуру германскую единственной въ мірѣ. Тотъ нѣмецкій профессоръ-филологъ, который изрекъ, что гибель лувенской библіотеки не есть потеря, потому что германскій геній сумѣетъ замѣнить погибшія сокровища новыми и лучшими произведеніями,—является классическимъ выразителемъ этого настроенія. Другой образецъ—знаменитый планъ германскаго генеральнаго штаба: съ математической точностью онъ разсчиталъ ту силу сопротивленія, какое можетъ оказать мертвый механизмъ вооруженныхъ силъ противника, но совершенно не принялъ во вниманіе *его живую душу*—ту великую *духовную силу*, которая есть въ оскорбленномъ чувствѣ народномъ. Всего ярче сказалось это непониманіе чужой души именно въ Польшѣ: съ одной стороны, въ своихъ воззваніяхъ къ полякамъ нѣмцы соблазняли ихъ матеріальными выгодами, имѣющими наступить вслѣдствіе присоединенія ихъ къ Германіи; съ другой стороны, они не поняли, какіе горячіе уголья они скопляли себѣ на голову, превращая польскіе костелы въ конюшни.

По контрасту русское народное самосознаніе по-

няло свою собственную задачу. *Живая душа другихъ народовъ, попранныхъ Германіей*, — вотъ что стало у насъ центромъ общественнаго вниманія. Всѣ почувствовали, что мы не можемъ допустить гибели маленькихъ народовъ, какъ потому, что ихъ существованіе—огромная культурная цѣнность, такъ и потому, что ихъ исчезновеніе таитъ въ себѣ угрозу нашей собственной цѣлости. Отсюда,— тотъ освободительный подъемъ, который въ одномъ общемъ порывѣ объединилъ всѣ племена и всѣ слои населенія Россіи. Всѣ поняли, что въ освобожденіи другихъ народовъ изъ-подъ нѣмецкаго ига заключается и высшая задача Россіи, и залогъ ея побѣды: ибо побѣдить должна въ концѣ концовъ та самая духовная сила возставшихъ народовъ, которая не была принята во вниманіе и была попрана нашими противниками. И общее настроеніе выразилось въ словахъ Верховнаго Главнокомандующаго.

„Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія его съ великой Россіей".

Смыслъ этихъ словъ въ томъ, что воскресеніе Польши есть непремѣнное условіе собственнаго нашего *русскаго* національнаго возрожденія. Единственно чрезъ осуществленіе этой задачи Россія можетъ освободиться отъ прусской опеки, — отъ того духовнаго ига Германіи, которое ее досёлѣ порабощало: именно здѣсь намъ предстоитъ поло-

жить ту грань, которая должна отдѣлить навѣки народно-русское отъ истинно-прусскаго.

Соучастіе Россіи въ раздѣлѣ Польши было прежде всего измѣной нашимъ національнымъ интересамъ: оно сдѣлало Россію невольнымъ орудіемъ нѣмецкой политики. Прежде всего оно ослабило Россію. Одно изъ условій ея могущества заключается именно въ тяготѣніи къ ней славянскихъ народовъ, которые видятъ въ ней естественную защитницу противъ завоевательныхъ стремленій германизма. Раздѣлъ Польши сдѣлалъ надолго невозможнымъ объединеніе *всего* славянства вокругъ Россіи: онъ положилъ прочное основаніе тому расколу среди славянства, который составляетъ условіе существованія Австро-Венгріи. Только этимъ расколомъ она жива, только благодаря участію Россіи въ раздѣлѣ Польши Австрія можетъ раздѣлять славянъ и властвовать надъ ними. Еще опаснѣе австрославизма то онѣмеченіе Познани, которое было создано этимъ злосчастнымъ раздѣломъ.

Но еще хуже, чѣмъ отреченіе отъ національнаго интереса, была та измѣна духовному облику Россіи, которая выразилась въ этомъ актѣ. Самымъ фактомъ раздѣла Польши была вырыта пропасть между русской народностью и русской государственностью: послѣдняя подпала надолго прусскому вліянію. Отсюда—глубокое и мучительное противорѣчіе въ нашей жизни. Нѣтъ ничего болѣе противнаго русскому народному характеру, нежели прусское отношеніе къ другимъ народностямъ и

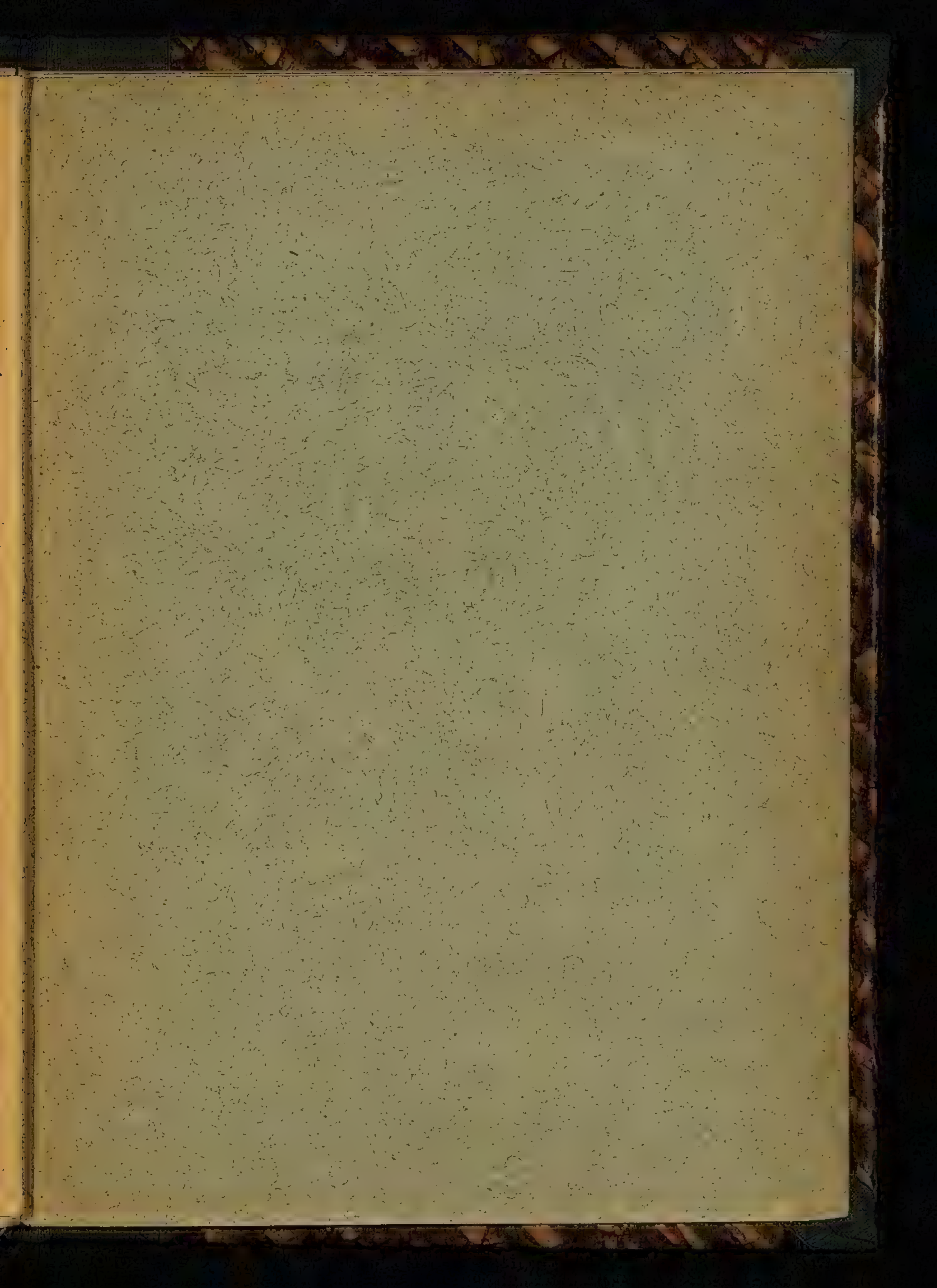
прусскіе способы управленія ими. Намъ по существу чужды *обрусительныя* тенденціи по отношенію къ инородцамъ, и я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что онѣ составляютъ у насъ плодъ нѣмецкаго вліянія. Намъ претитъ это деспотическое навязываніе другимъ народамъ нашей собственной національной физіономіи; напротивъ типическая особенность русскаго характера есть именно восприимчивость къ чужому, тонкое и сочувственное пониманіе всего индивидуальнаго и своеобычнаго, что есть въ культурѣ другихъ странъ. Именно эти качества опредѣляютъ собой бытъ нашего простого народа, извѣстнаго своимъ благодушнымъ и терпимымъ отношеніемъ къ иноплеменникамъ. Ихъ же мы находимъ и въ высшемъ проявленіи нашей культуры, — въ русской литературѣ, которая превосходитъ литературу всѣхъ странъ своимъ широкимъ универсализмомъ, своей всемірной отзывчивостью, своимъ пониманіемъ всего человѣческаго, въ какую бы яркую національную оболочку оно ни облекалось. Нѣтъ ничего болѣе противнаго этимъ свойствамъ нашего народнаго генія, чѣмъ тотъ мертвый унитаризмъ и централизмъ прусской государственности, который не считается ни съ чѣмъ своеобычнымъ, всѣхъ подводитъ подъ одинъ ранжиръ и всѣхъ онѣмечиваетъ. Если тѣмъ не менѣе этотъ прусскій способъ управленія наложилъ свою печать и на нашу государственность, это объясняется прежде всего нашимъ соучастіемъ съ Пруссіей въ раздѣлѣ Польши. Именно необходимость сообща поддерживать этотъ фактъ открывала

дверь прочному германскому вліянію на нашу внутреннюю политику. Наша вѣковая дружба съ Пруссіей всегда поддерживалась за счетъ Польши, но потому самому и за счетъ Россіи. Теперь мы видимъ новое тому доказательство. Первымъ логически необходимымъ послѣдствіемъ нашего разрыва съ Германіей явилась та новая политическая программа, которая выразилась въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго. Только черезъ осуществленіе этой программы русская государственность можетъ стать народной, русской. Возрожденіе Польши, свободной въ своей вѣрѣ, въ языкѣ и въ самоуправленіи, будетъ въ полномъ смыслѣ слова торжествомъ русскаго народнаго духа. Народнымъ и русскимъ является не то направленіе, которое превращаетъ Россію въ Пруссію второго сорта, не то, которое отталкиваетъ отъ нея славянъ, угрожая имъ обрусеніемъ, а то которое привлекаетъ ихъ къ намъ и дѣлаетъ Россію центромъ славянства. Нашъ подлинный народный интересъ и идеалъ выражается не въ поглощеніи, а въ воскрешеніи другихъ народовъ,—въ защитѣ всѣхъ малыхъ и слабыхъ народностей противъ народовъ насильниковъ и хищниковъ. Успѣшное осуществленіе этой миссіи является необходимымъ условіемъ какъ могущества Россіи, такъ и самобытнаго ея культурнаго развитія. Только тогда нашъ народный геній расправитъ свои крылья, только тогда онъ пріобрѣтетъ силу для высшаго своего полета, когда онъ исполнитъ элементарный долгъ совѣсти передъ братскимъ народомъ.

Намъ нужно прежде всего сбросить съ себя этотъ тяжелый камень, который тяготѣетъ надъ нашей душой и парализуетъ наши духовныя силы. Возрожденіе Польши будетъ днемъ свѣтлаго воскресенія и для самой Россіи. Мы всѣ это чувствуемъ, и ради этого хотимъ побѣдить. Пусть эта вѣра въ свѣтлый смыслъ побѣды сообщитъ несокрушимую силу нашей арміи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 30 коп.

Весь чистый сборъ въ пользу Всероссійскаго Земскаго Союза на нужды увѣчныхъ воиновъ.

Складъ изданій въ книгоиздательствѣ „ПУТЬ“, Новинскій бульв., № 103.

